

ТРАДИЦИИ
ОБЫЧАИ
ПРАВЫ

КУЛЬТ КРОКОДИЛА

КРОКОДИЛЫ на Мадагаскаре не имели равного себе по силе врага в природе. Они были самыми могущественными. Их панически боялись все, в том числе и люди. С незапамятных времен человек принимал здесь смерть от крокодила. Ежегодно жертвой его оказывались сотни людей, и прежде всего женщины, черпающие воду. Тысячами гибли домашние животные, особенно скот. Начиная с 1915 года колониальные власти стали назначать небольшие денежные вознаграждения за истребление чудовищ. За яйца крокодилов выплачивалось по 15 сантимов, двухметровое животное стоило пять франков. Но лишь немногие малагасийцы поддавались искушению. Охотились на крокодилов в основном европейцы и зарабатывали на этом весьма неплохо. По прошествии нескольких лет выяснилось, однако, что, несмотря на выплаты приличных сумм, количество крокодилов существенно не уменьшилось. Потеряв охоту к дальнейшему сопротивлению, власти махнули на все рукой, и вознаграждения были отменены.

Многие малагасийцы воздавали крокодилам религиозные почести. Хищные животные представлялись им воплощением чего-то сверхъестественного. В одних районах их считали священными, в других —

няли от несчастных случаев при переходе через реки. Люди племени антануси считали, что души умерших вождей переселяются в крокодилов. У антандреев, на юге острова, воинственный и гордый род зафиндрауай, что означает «сыновья крокодила», кичился своим происхождением от необыкновенной прабабки. Будучи красивой женщиной, она по неосторожности попала некогда в логово крокодила, вступила с ним в сожительство и родила двух крепких близнецов человеческого обличия, которые и дали начало славному роду.

Крокодилы населяли весь остров. Их основная обитель и безраздельное царство — могучие реки на западе Мадагаскара: Унилахы, Мангуки, Цирибихина, Бецибука. Здесь они были самые свирепые. Грубо вмешивались в жизнь людей, владели их мыслями, подчиняли души, господствовали над верой. Мало осталось на земле мест, где бы животное так жестоко тиранило человека, как на Мадагаскаре.

Крокодил был здесь господином, обладал абсолютной властью над людьми благодаря тому, что проник в их религию. С незапамятных времен он олицетворял неодолимую, беспредельную силу. Это поняли французские власти, когда захотели уничтожить культ крокодила и столкнулись с пассивным, но упорным сопротивлением местного населения.

Проблема крокодилов перестала существовать на Мадагаскаре вместе с крокодилами. Деньги нанесли смертельный удар священному животному. Религиозный страх охранял его до тех пор, пока за него платили пять франков. Когда же цена на крокодиловую кожу повысилась в 10, в 20 раз, религия, почитание к предкам и страх перед богами оказались бессильны. Деньги стали самым могущественным богом. Жителей Мадагаскара охватила охотничья страсть. Посредники скупали кожу у охотников, экспортеры отсылали ее за границу. Малагасийцев захлестнула волна безумия. На реках и озерах разыгрывались оргии смерти. Крокодилов стреляли, закалывали, травили. Смерть наступала их в образе веревки, пороха, железа, колоды — чего угодно. Малагасийцы прежде всего думали о заработке, но дело было не только в этом. Рухнули оковы злых чар, человек мстил людоедам, уничтожал своих извечных врагов, раскрывал застарелый обман. Безудержный гнев его бушевал до тех пор, пока не были истреблены почти все крокодилы. Великая битва длилась три-четыре сухих сезона, потом утихла. Не стало исчадий ада, остыли страсти, реки узнали покой.

Так Мадагаскар избавился от своих грозных демонов. А виной всему — случайный каприз моды, прихоть отвлеченной далекой промышленности. Машинная конъюнктура уничтожила бога; малагасийским женщинам, черпающим воду, не надо было больше бояться.

КОГДА МАЛАГАСИЙЦЫ ВПАДАЮТ В ТРАНС

Сакалавы всегда любили обитать в невидимом мире, с тенями умерших общались просто и доверительно. К духам предков зывали со страстью, испытывая при этом радость и удовлетворение. Сакалавы по-своему переживали упадок своих некогда великих королевств. Печаль прогоняли не только туакой¹, но и кое-чем более сильнодействующим.

Тайны Большого острова

А. ФИДЛЕР

наполовину священными, а еще в некоторых они были объектом восхищения, любви или суеверного страха. На юго-восточном побережье острова крокодилы являлись для людей судьями; будто бы справедливо, хотя и безапелляционно вершили они суд божий над преступником, когда тот по приговору властей должен был плыть по кишашему чудовищами водоему.

Многие малагасийские роды, и притом наиболее именитые, похвалялись происхождением от предка-крокодила. Кошмарный образ пращура не только возвеличивал все последующие поколения, но и охра-

Отрывки из книги известного польского писателя и путешественника А. Фидлера «Мадагаскар — злой волшебник» (Варшава, 1969).

¹ Туака — малагасийский самогон.

Неисчерпаемым источником упоения было трумби, колдовство. Во время трумби вызывался дух какого-нибудь предка — обычно известного вождя или короля. Ритуал перемежался танцами, выпивкой, припадками эпилепсии, таинственными заклинаниями. Задачей было исцеление кого-нибудь из присутствующих. Трумби происходило почти в каждой сакалавской деревне на свой манер. До эксцессов дело доходило редко. Власти ограничили традиционный обряд строгими дисциплинарными рамками. О каждом сеансе надо было извещать заранее, платить денежный взнос в размере 50 франков, а к 10 часам вечера во избежание кары прекращать всякое общение с духами.

Постепенное вхождение в состояние экстаза — любимое занятие многих малагасийцев, своеобразное проявление их второй природы. Малагасийские исторические хроники сохранили свидетельство о случаях массовой истерии, своего рода танца святого Витта.

Проходя однажды вечером мимо хижины вождя племени, я услышал доносившиеся отсюда необычные возгласы, приглушенный звук барабана, монотонное пение, хлопки в ладоши. Войдя внутрь, разглядел в полумраке сидящих по стенам людей. Нескольких человек в центре передвигались мелкими шажками в медленном танце. Трумби было в самом разгаре. Одна из танцующих женщин, крайне возбужденная, резко отличалась от всех прочих. Изгибаясь и взмахивая руками, она бормотала нечто невнятное. Все смотрели на нее завороженные, боясь что-либо упустить. Танец продолжался бесконечно. Силы исполнительницы были неустойчивы, как у людей невменяемых. Через четверть часа я и сам начал поддаваться настроению окружающих, почувствовал себя одурманенным. Уже стемнело, но в глазах танцующей женщины по-прежнему горел огонек экстаза. В какие-то моменты она почти теряла сознание; присутствующие также находились в полубессознательном состоянии. Они переживали глубокое внутреннее потрясение, какой-то удивительный подъем, связанный, как мне было объяснено позже, с присутствием духа великого вождя. В эти моменты они уже не жили своей индивидуальной и обособленной жизнью, души их были сплавлены, объединены в общем мистическом порыве.

Увиденное ошеломило меня. Мысли витали далеко за пределами околдованной хижины. Неотступно преследовал вопрос: куда я попал? Правда ли, что на свете существуют другие люди и что в то самое время, когда здешние обитатели пребывают в состоянии магического транса, а из потусторонних миров к ним спускаются духи умерших, эти другие люди также переносятся в иные миры, но уже не мистические, а реальные, завоевывают межпланетные пространства? В каком веке я живу: каменном или космическом? Ответ напрашивался сам собой: тут, в селении Мициндзу, я жил одновременно и в том и в другом веке, и это было чертовски забавно. Просто очаровательно.

Общение с духами, как оказалось, — насущная потребность сакалавов, необходимая составная часть их бытия. Надежное пристанище души, ключ от свободного, безмятежного мира, источник счастья.

МЕРНА

Ярким удивительным талантом малагасийцев, и особенно народа мерна², было и остается красноречие. Каждый из них — природный оратор. Плавность собственной речи доставляет им неизменное удовольствие. Умные и наиболее деловые из всех малагасийских народностей, мерна до начала XIX века совсем не имели письменности.

Сегодня эти жадные к знаниям люди умеют писать, однако не сгнула и старая любовь к устному повествованию.

У мерна острый и быстрый ум — этого нельзя отрицать, — но крайне ограниченный, развитый очень однобоко. Выходцы с индонезийских островов — колыбели людей, любящих украшать все, что их окружает, — мерна лишены, как ни странно, художественного чутья. Видимо, переправа через океан полностью истощила их творческое воображение. Они не создали изобразительного искусства, не смогли обогатить им свою жизнь³.

У малагасийцев, столь изысканных в устной речи, так легко и свободно оперирующих тысячами пого-

² Мерна — основная этническая группа на Мадагаскаре.

³ Данное утверждение автора ошибочно.

Малагасийская Республика. Тананаривский базар — подлинный музей народного искусства. Особенно хороши изделия из волокна пальмы рафия — гигантские корзины, блюда, шляпы, украшенные ярким орнаментом. Их плетут женщины народности мерна, живущей в окрестностях Тананариве и на нагорьях Центрального Мадагаскара.

Фото ТАСС

ворок, остроумных и фантастически замысловатых, нет ни эпоса, ни романа. Зато поэзия, тесно связанная с даром красноречия, с незапамятных времен расцвела здесь очень буйно. В основном это была лирика; превалировала, разумеется, эротическая лирика, близкая к эротомании.

Меня всегда удивляло и слегка огорчало отсутствие в Тананариве и вообще на Мадагаскаре театра. Правда, у мерна есть свои танцы с припевками, часто крайне непристойные. Они очень любят публичные выступления, успех, пышную фразу, удачный каламбур. И все же никогда не имели ни театра, ни собственных актеров.

ЗУМА — НЕОБЫКНОВЕННЫЙ БАЗАР

Можно упрекать мерна за то или за другое, но нельзя остаться равнодушным к тому, что носит у них название «зумы»⁴. Это еженедельный базар в Тананариве. Происходит он по пятницам. На зуму в малагасийскую столицу стекается со всей Имерины около 20 тысяч малагасийцев.

Каждую пятницу вся центральная часть города, все тротуары и большинство мостовых заполнены до отказа наскоро сколоченными стендами, ларьками, палатками, а в палатках, а в них, под ними и прямо на земле — масса товаров. То что погребли лондонские миссионеры во второй половине XIX века под невзрачной пеленой аскетизма, в XX веке, во времена французов, и особенно за последние годы воскресло вновь. Ожила инициатива народа, его художественное ремесло. Правда, мебель, богато представленная на авеню Независимости, все еще отдает стариной. Зато производство изделий из листьев пальмы, рафии и сизаля приобрело вполне современный размах.

Всевозможные циновки, сумки и сумочки, корзиночки в изысканной форме греческих вазонов, шкатулки непонятного назначения, коврики — и все это очень праздничное, необыкновенно нарядное, сделанное со вкусом и любовью, привлекающее изяществом форм и яркостью расцветок. Здесь настоящее безумство красок. Созерцая удивительное собрание чудес, прохожий постепенно утрачивает контакт с миром будней, теряет ощущение реальности, возвращается в ушедшее детство.

Прежде, до войны, здесь не было такой роскоши. Рафия и сизаль стали новым источником творческого вдохновения. Я с удовольствием смотрел на торгующих женщин, на крестьян, ремесленников. Это были жители окрестностей столицы: тихие, с приятными манерами. Торговали они деликатно, почти изысканно. Здесь не было назойливой крикливости Ближнего Востока.

Горы нежнейших фруктов, корзины овощей, яиц, стада гусей, тысячи шляп, батальоны глиняных горшков, кипы тканей и бесконечные каскады цветов — все это было чудом. Ошеломленный, раздавленный впечатлениями человек пробирается не только сквозь нагромождение товаров, необходимых в быту. Внимание его привлекает резьба по дереву, поблескивающие копы, кованые из железа дротики, чучела молодых крокодилов с хищно оскаленными зубами. В укромных местах продавались магические талисманы, таинственные приворотные зелья.

Торговая пятница существует в Тананариве очень давно. Она стала культурной традицией малагасийцев, своего рода национальным праздником.

(Окончание следует)

⁴ Зума (малагасийск.) — пятница.

Альберт Швейцер (1875—1965) — немецкий врач, ученый, философ, выдающийся гуманист современности, лауреат Нобелевской премии мира. 50 лет своей жизни провел он в тропических лесах Габона, в деревушке Ламбарене, где создал уникальную больницу для африканцев, подготовил для нее квалифицированный медицинский персонал из местных уроженцев.

Швейцер глубоко изучил быт и психологию африканцев. Свидетельством тому — публикуемый отрывок из его книги «Африканские рассказы».

Женитьба в Габоне

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

РАССКАЗЫВАЮ туземцам, что в Европе мужчина женится, не платя никакого выкупа... «Такого не может быть! — перебивают они меня хором. — Доктор смеется над нами».

Женщина рассматривается здесь как объект определенной стоимости. С момента рождения девочки родные уже подсчитывают капитал, который наживут на ней. Когда белая роженица в моем госпитале разрешилась девочками-двойняшками, увидавший их туземец заявил счастливому отцу: «Каким же ты стал богачом!».

Расходам, связанным с женитьбой, подчинена вся жизнь туземца. Чтобы раздобыть средства для покупки жены, он уже с 16-летнего возраста подыскивает возможность заработка. Часто во имя этого он вынужден покинуть родную деревню и идти служить к белому на три-четыре года, причем того, что он за это время получит, далеко не достаточно. Обычно сумма выкупа так велика, что жениху пришлось бы копить ее более десяти лет. В таком случае он женится, обязуясь постепенно выплачивать недостающее. Отец или, если того уже нет в живых, старший брат должен помочь ему сделать первый взнос и гарантировать дальнейшие.

Как правило, для того чтобы обеспечить сыну жену, родители начинают вносить плату за невесту, когда той исполняется всего лишь несколько лет. Как раз когда я пишу эти строки, ко мне вошел санитар и попросил дать ему задаток для выкупа жены. Выяснилось, что его нареченная — девочка девяти лет. Он уже внес за нее какую-то сумму, однако должен поторопиться и со следующим взносом, иначе невесту закрепят за другим, более платежеспособным претендентом. Ему же вернуть внесенные деньги или хотя бы часть их будет непросто.